

ПОЭТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ЛИРИКЕ А.А. АХМАТОВОЙ

Автором статьи рассматривается поэтическая концепция пространства и времени в творчестве А.А. Ахматовой. Читателю предлагается обзор текстов периода Серебряного века. Новым в исследовании является рассмотрение поэтических текстов в онтологическом аспекте.

Ключевые слова: пространство, время, библейское имя, вечность, поэтическая концепция.

Анализируя раннюю критическую работу В.М. Жирмунского «Преодолевшие символизм» (1916) о творчестве А.А. Ахматовой, Е.Г. Эткинд указал на серьезный упрек, сделанный критиком поэту. По мнению Жирмунского, молодая Ахматова упростила свою художественную задачу сужением мира, игнорированием его хаотических глубин [7: 130].

Однако конкретные детали быта, «душевная элементарность» (выражение О. Мандельштама) [8: 207], радости мига жизни всегда имели в лирике А.А. Ахматовой прорезь вечности. События, происходящие в настоящем времени, в лирике поэта часто представляли собой не что иное, как отголоски глубинного прошлого: *Тебе обещана была / В каком-то давнем веке; Из ребра твоего сотворенная, / Как могу я тебя не любить; Я прошлое в доме моем берегу, / Над прошлым тайно колдую; И комната, где окна слишком узки, / Хранит любовь и помнит старину; Я молчу, молчу, готовая / Снова стать тобой земля; Десять лет замираний и криков, / Все мои бессонные ночи / Я вложила в тихое слово / И сказала его напрасно; Еще весна таинственная мледа / Блуждал прозрачный ветер по горам, / И озеро глубокое синело – / Крестителя нерукотворный храм.*

Географическое пространство в поэтическом мире А. Ахматовой легко преодолевается при достижении высоких целей. Чтобы лучше понять «поэтическую» концепцию пространства и времени у А. Ахматовой, ее укорененность в онтологическом аспекте, уместно привести несколько примеров, в которых прослеживается изменение (сжатие или расширение) обычного географического пространства для передачи глубинных душевных потрясений: *Как зачарованная шла / Через моря и реки; И когда друг друга проклинали / В страсти, раскаленной*

добела, / Оба мы еще не понимали, / Как земля для двух людей мала; Я любимого нигде не встретила: / Столько стран прошла напрасно. Так сюжетное действие разворачивается на очень широком и разнообразном географическом фоне (моря, реки, страны).

Готовность раствориться в пространстве и во времени, принять сложный для человеческого разума весь временной ход событий: начало и конец, прошлое и будущее, возникновение и прекращение, рождение и смерть – отличительная черта лирики А.А. Ахматовой.

В стихотворении «Я пришла сюда, бездельница...» (1911) звучит тема принятия, согласия смерти и возврата к глубинному прошлому.

Я молчу, молчу, готовая
Снова стать тобой, земля.
(«Я пришла сюда, бездельница...», 1911),
[Ахматова, 1998, Т. 1, с. 56].

Выражение «Снова стать тобой, земля» – своеобразная параллель (а может, даже некая интерпретация) церковнославянскому тексту панихиды: *яко земля еси и в землю отыдеши, аможе вси человецы пойдем... (ты – земля и в землю отойдешь, куда пойдут все люди)* [9: 92].

Попытка соединения исторического (библейского) времени с современным, преодоление временного диапазона, видение в современных церковных событиях, событий двухтысячелетней давности – типичная поэтическая ситуация, сложившаяся, скорее всего, сначала интуитивно, позже прочувственная и осознанная в лирике Ахматовой.

Умолк простивший мне грехи,
Лиловый сумрак гасит свечи,
И темная епитрахиль
Накрыла голову и плечи,

Не тот ли голос: «Дева! встань ...»
 Удары сердца чаще, чаще.
 Прикосновение сквозь ткань
 Руки, рассеянно крестящей.
 («Исповедь», 1911),
 [Ахматова, 1998, Т. 1, с. 88].

Чудо воскрешения дочери Иаира Иисусом Христом слишком живо для героини. Исповедь переживается как потрясение от совершающегося таинства, открывается временная завеса, прошлое и настоящее воссоединяются. Так возникает целостное время, которое вбирает в себя, линейно воспринимаемое обычным сознанием, прошлое и настоящее одновременно. В целостном (онтологическом) времени прошлое и настоящее неразличимы. В сакральном мире прошлое продолжает существовать в настоящем и, наоборот, настоящее в прошлом. Все библейские события (пусть двухтысячелетней давности) происходят сейчас, потому что вечность над временем.

Упоминание святого локуса и собственных библейских имен в лирике Ахматовой неизбежно создает перспективу во времени и пространстве. В сознании читателя с тем или иным именем неизбежно возникает определенный ассоциативный ряд, соотносимый с определенной эпохой, историческими (библейскими) лицами и событиями. Часто библейские имена собственные называются открыто, часто они содержатся и в подтексте стихотворения. Приведем несколько примеров.

Образ Иродиады (вспоминание об ее танце): О, как сердце мое тоскует! / Не смертельного ль часа жду? / А та, что сейчас танцует, / Непременно будет в аду. («Все мы бражники здесь, блудницы», 1913), [Ахматова, 1998, Т. 1, с. 113].

Сакральный локус, **купель Вифезда**: И я поверила, что есть прохладный снег / И синяя купель для тех, кто нищ и болен, – / И санок маленьких такой неверный бег / Под звоны древние далеких колоколен. («Он длится без конца – янтарный, тяжкий день!», 1912), [Ахматова, 1998, Т. 1, с. 109].

Библейский сюжет **«Христос и самарянка»**. Известно, что при встрече с самарянкой у колодца Христос назвал живою водою Свое Божественное учение. Неутоляющее питье в стихотворении Ахматовой – обычная земная жизнь:

Вместо мудрости – опытность, пресное, / Неутоляющее питье. / А юность была – как молитва воскресная ... / Мне ли забыть ее? («Вместо мудрости – опытность, пресное...», 1913), [Ахматова, 1998, Т. 1, с. 145].

Время у Ахматовой онтологическое, связанное с библейскими событиями. В стихотворении «Июль 1914» говорится о распятии Христа в настоящем времени, как требует того славяно-русская традиция.

В стихотворении А. Ахматовой:
 Ранят тело твое пресвятое,
 Мечут жребий о ризах твоих.
 («Июль 1914», 1912),
 [Ахматова, 1998, Т. 1, с. 145].

В Библии: «Делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий» (Пс.: 21;19).

Пространство, как и время, в сознании героини полярно обычному земному восприятию. Земное пространство представляется в лирике героини слишком малым локусом (у Мандельштама: «пространство сжатое до точки») – это обычное восприятие акмеистами земного пространства.

И сухими пальцами мяла
 Пеструю скатерть стола ...
 Я тогда уже понимала,
 Как эта земля мала.
 («Не тайны и не печали...», 1915),
 [Ахматова, 1998, Т. 1, с. 253].

«Земля мала» в том случае, когда духовная, внутренняя работа души выше обычного земного мирозерцания и, пожалуй, соответствует фразе из Псалтири: «В скорби распространил мя еси», т.е. благодаря скорби ты сделал меня чутче, восприимчивее к событиям жизни. Смерть, скорбь в поэтическом мире Ахматовой способна сделать человека свободным. Гроб – достаточно малое пространство, «структура» узости, ужаса в представлении Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова и др. классиков (комната Раскольникова, футляр у Чехова). В лирике Ахматовой возможной становится иная интерпретация, перекликающаяся со славяно-русской традицией. Гроб в сознании героини ассоциируется со счастьем, свободой, с идеей последующего простора, спасения, воскресения, что соответ-

ствует тексту кондака, читаемого в церкви на Светлой седмице (Пасхальной неделе): «Аще и во гроб снизшел еси, Бессмертне, но адову разрушил еси силу и воскресл еси яко Победитель, Христе Боже...». Земная же жизнь представляется героине «тесным приютом»:

Кому-то желтый гроб несут,
Счастливый кто-то будет с Богом,
А я забочусь о немногом,
И тесен мой земной приют.
(«Кому-то желтый гроб несут...», 1914),
[Ахматова, 1998, Т. 1, с. 214].

Земное (бытовое) время А. Ахматовой строится по церковному календарю, что роднит ее восприятие времени с традициями древнерусской литературы, где отсчет времени начинался с празднования событий, связанных с каким-либо сакральным именем. Приведем несколько примеров: *Какие странные слова / Принес мне тихий день апреля. / Ты знал, во мне еще жива / Страстная страшная неделя; Выбрала сама я долю / Другу сердца моего: / Отпустила я на волю / В Благовещенье его; И милый сон под Рождество, / И Пасхи ветер многозвонный; Не верится, что скоро будут Святки, / Степь трогательна зелена; О нем гадала я в канун Крещения. / Я в январе была его подругой.*

Часто героиня, находясь в земном мире, использует понятия, принадлежащие миру небесному для описания человеческих отношений. Например, использование библейской символики, образа Христа, известной фразы из библейской притчи о десяти девах: «Се Жених грядет в полночи» [Мф.: 25; 1-13] для объяснений личных, любовных переживаний. Известно, что в библейских канонических текстах Христос (Жених) не улыбается.

Ждала его напрасно много лет
Похоже это время на дремоту.
Но воссиял неугасимый свет
Тому три года в Вербную Субботу,
Мой голос оборвался и затих –
С улыбкой предо мной стоял жених.
(«Ждала его напрасно много лет...», 1918),
[Ахматова, 1998, Т. 1, с. 283].

Попытка соединить в себя эти две данности (духовную реальность и реальность земную)

и пребывать в них одновременно – стало сверхзадачей Ахматовой. В лирике поэта не используется активно слово «вечность», как, например, в поэзии О. Мандельштама, не присутствует попытка видеть небесный мир в мире земном, как в поэзии Н. Гумилева, но приготовление к вечности, готовность перехода в иной мир, причастность к небесному отечеству – частые мотивы в ее лирике.

Уже привыкшая к высоким, чистым звонам,
Уже судимая не по земным законам,
Я, как преступница, еще влекусь туда,
На место казни долгой и стыда.
И вижу дивный град, и слышу голос милый,
Как будто нет еще таинственной могилы,
Где день и ночь, склонясь, в жары и холода,
Должна я ожидать Последнего Суда.
(«Не оттого ль, уйдя от легкости проклятой...», 1917), [Ахматова, 1998, Т. 1, с. 291].

Отчетливое осознание временности существования, при векторе вечности – обычное состояние душевного мира героини.

В то время я гостила на земле
Мне дали при крещенье имя Анна.
(«В то время я гостила на земле...», 1917),
[Ахматова, 1998, Т. 1, с. 146].

Может быть, поэтому *час* – одна из самых частотных временных категорий в лирике поэта (и в сознании всех акмеистов) – связан с онтологическим восприятием времени, овеян далью [З:336] (выражение М.М. Бахтина) и получил ценностный вес в поэтической системе А. Ахматовой. Выстраивается временная историческая перспектива, направленная чаще всего на библейский сюжет: *Иди один и исцеляй слепых, / Чтобы узнать в тяжельый час сомненья / Учеников злорадное глумленья / И равнодушие толпы; Смертный час наклонясь, напоит / Прозрачную сулемой / А люди придут, зарюют / Мое тело и голос мой; Отчего же Бог меня наказывал / Каждый день и каждый час? / Или это Ангел мне указывал / Свет, невидимый для нас?; О, как сердце мое тоскует! / Не смертельного ль часа жду? / А та, что сейчас таницует, / Непременно будет в аду; И песней я не скличу вас, / Слезами не верну, / Но вечером в печальный час / В молитве помяну.*

В поэзии Ахматовой сильно развито информационное время (термин Е.М. Верещагина). Путь и время часто удлиняются, убыстряются или замедляются в зависимости от переживаний героини, фоновой ассоциативности: *А дорога до погоста / Во сто раз длинней, / Чем тогда, когда я просто / Шла бродить по ней; Он длится без конца – янтарный, тяжкий день; Ста-ла забывчивей всех забывчивых, / Тихо плывут года; Ты милый и верный, мы будем друзьями ... / Гу-лять, целоваться, стареть ... / И легкие месяцы будут над нами / Как снежные звезды, лететь.*

Память – одна из самых частотных пространственно-временных категорий в лирике А. Ахматовой. «Большая память» (выражение М.М. Бахтина) позволила поэту обойти эпоху и по-особому понять и оценить смерть. Память у Ахматовой – это победа над земным временем и вхождение во время иное – онтологическое, принятие вечности со всеми ее неземными и неизменными законами.

Приползайте ко мне, лукавьте,
Угрозы из ветхих книг,
Только память вы мне оставьте,
Только память в последний миг.
(«Умирая, томлюсь о бессмертье...», 1912),
[Ахматова, 1998, Т. 1, с. 110].

Таким образом, проекция событий современного времени на библейский сюжет, на конкретное действие, совершающееся в церкви – отличительный прием в поэтическом мире А.А. Ахматовой, как и постоянный диалог времени и вечности. Любовь к настоящему и неудовлетворенность им одним. Восприятие земной действительности как слишком грубого, материально-го мира. На земле все «слишком».

Слишком сладко земное питье,
Слишком плотны любовные сети.
(«Сколько просьб у любимой всегда»,
1913), [Ахматова, 1998, Т. 1, с. 114].

Частотность собственных библейских имен, библейского локуса – отражение невольно созданного поэтом топографического онтологического пространства, принадлежащего вечности (вечной памяти). Избавление, уход от смерти как от мгновенного времени в жизни человека вполне удается в лирике Ахматовой и

рождает мудрое осознание земного времени (пути) как длительной смерти и неуклонного приближения к ней (*Ты милый и верный, мы будем друзьями... / Гулять, целоваться, стареть... / И легкие месяцы будут над нами / Как снежные звезды, лететь*). Стремление к целостному, гармоничному восприятию мира дало возможность воссоединения двух миров (небесного и земного), осознания себя, своего назначения, преодоления чувства обычного человеческого страха перед неизбежно приближающимся концом. Поэтому в языке поэтического текста активно используется сакральная (библейская) лексика, церковно-бытовая лексика (слова, передающие действия повседневной, календарной жизни церкви) для объяснения взаимодействия небесной и земной реальности.

Вхождение в иной мир Ахматова (Гумилев также) изображает как возможность приобретения целостного знания, становления «другого» совершенного человека, которому могут открыться тайные законы бытия.

Теперь ты там, где знают все – скажи:
Что в этом доме жило кроме нас?
(«В том доме было очень
страшно жить ...», 1921).
[Ахматова, 1998, Т.1, с. 381].

Конец тревогам и удачам,
Слепым блужданиям души ...
О день, когда я буду зрячим
И странно знающим, спеши!
(«Вечное», 1912),
[Гумилев, 1998, Т.2, с. 85].

Зыбкость границ между сферой реальности и ирреальности, «пространственные перенесения», попытка осмысления инобытия, преодоление земного пространства – результат поиска выхода из сложной духовной ситуации, сложившейся в эпоху начала XX-го века.

Обращение к Логосу дало акмеистам победу над временем, возможность взаимодействия с сакральным пространством, дало память: *Приползайте ко мне, лукавьте, / Угрозы из ветхих книг, / Только память вы мне оставьте, / Только память в последний миг.* Память – победа над временем, над современным хаосом. Поэтому такое трепетное обращение к прошлому: *Я прошлое в доме моем берегу, / Над прошлым тай-*

но колдуя. В поэтической системе А. Ахматовой нет отказа от прошлого. Для эпохи начала XX века – это можно назвать подвигом (акмеисты не отказались от прошлого).

В творчестве А. Ахматовой можно проследить разные типы пространств: от пространства реального земного, где лирический герой прочно локализован и окружен предметами быта, до пространства онтологического, в котором нет протеста части против растворения в целом (как, например, у Мандельштама: *неужели*

ли я настоящий и действительно смерть придет?). Согласие, принятие законов бытия, соотнесение себя с целым (*Я молчу, молчу, готовая / Снова стать тобой, земля*) – поэтическая концепция пространства и времени вольно или невольно, восходящая, пожалуй, к философской системе всеединства В. Соловьева и П. Флоренского, где вечное (человек) не может превратиться в конечное и временное, а высшее единство не может распасться на несовместимые моменты.

30.08.2011

Список литературы:

1. Аверинцев, С.С. Поэты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 364 с.
2. Ахматова, А.А. Собр. соч. в 6 т. – Т. 1. Стихотворения 1904-1941. – М.: Эллис Лак, 1998. – 968 с.
3. Бахтин, М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – 336 с.
4. Библия. – М., 1992. – 295 с.
5. Гинзбург, Л.Я. О лирике. – М.: Интрада, 1997. – 414 с.
6. Гумилев, Н.С. Полное собр. соч. в 10 т. – Т. 2. – М.: Воскресенье, 1998. – 344 с.
7. Жирмунский, В.М. Преодолевшие символизм // Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – Л., 1977. – С. 130.
8. Мандельштам, О.Э. О современной поэзии // Собр. соч. в 4-х т. – Т. 1. – Стихи и проза 1906-1921. – М.: Арт – Бизнес – Центр, 1999. – С. 207.
9. Молебен. Панихида. – М., 2010. – С. 92.
10. Тынянов, Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 574 с.

Сведение об авторе: **Пороль Ольга Анатольевна**, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, кандидат педагогических наук

460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 1106, тел. (3532) 372436, e-mail: rusfil@mail.osu.ru

UDC 82: 1

Porol O.A.

Orenburg state university; rusfil@mail.osu.ru

THE POETIC CONCEPT OF SPACE AND TIME IN LYRIC POET BY A.A. AHMATOVA

The author of article considers the poetic concept of space and time in A.A.Ahmatova creativity. The review of texts of the period of the Silver age is offered to the reader. In research consideration of poetic texts in ontologic aspect is new.

Keywords: space, time, a bible name, eternity, the poetic concept.

Bibliography:

1. Averintsev, S.C. Poets. – M.: Language of Russian culture, 1996. – 364 p.
2. Achmatova, A.A. Collected works: In 6 t. – T. 1. – Poems 1904-1941. – M.: Ellis Lac, 1998. – 986 p.
3. Bakhtin, M.M. Author and the hero. To philosophical bases of the humanities. – SPb.: Azbuka, 2000. – 336 p.
4. Bible. – M., 1992. – 295 p.
5. Ginzburg, L. About the lyric poet. – M.: Intrada, 1997. – 414 p.
6. Gumilev, N.S. Complete collected works In 10 t. – T. 2. – M.: Voskreseniue, 1998. – 344 p.
7. Zhirmundsky, V.M. Overcome symbolism // Zhirmundsky V.M. The literature theory. Poetics. Stylistics. – L., 1977. – P. 130.
8. Mandelshtam, O.E. Collected works In 4 t. – T. 1. Verses and prose 1906-1921. – M.: Art – Biznes – Center, 1999. – P. 207.
9. Prayer. Funeral service. – M., 2010. – P. 92.
10. Tinyanov, J.N. Poetics. History of literature. Cinema. – M.: Nauka, 1977. – 574 p.